

от дисциплины, нежели от вуза. Помимо этого, США также могли бы последовать примеру Великобритании и предоставлять абитуриентам информацию об условиях обучения на конкретных программах и уровне удовлетворенности студентов.

Уроки для Англии

Англия выиграла бы, перенея следующие подходы, применяемые в США: большее внимание к учреждениям профессионального образования; осторожное отношение к коммерческим вузам; более частое применение грантов в качестве формы поддержки студентов; больше внимания к профессиональной ориентации школьников и помощи в выборе предпочтительной образовательной траектории; более высокая контекстуализация приема в вузы; очень внимательное отношение к потенциальным негативным последствиям системы финансирования по результатам работы. В силу ограниченности места мы подробно рассмотрим лишь некоторые из этих пунктов.

Профессиональное образование играет в Англии более скромную роль, чем двухгодичные муниципальные колледжи в США. С другой стороны, в них обучается одна двенадцатая от общего числа студентов страны. Таким образом, можно привести веские аргументы в пользу увеличения внимания и государственной финансовой поддержки колледжей, подобно тому, как это происходит с аналогичными колледжами в США. Опыт США также показывает, что нужно очень серьезно относиться к потенциальным негативным последствиям масштабного расширения сектора коммерческого высшего образования. США пришлось внести изменение в законодательство, регулирующие вопросы государственной финансовой поддержки студентов коммерческих вузов, для того чтобы учесть риски, связанные с низким качеством образования в них.

Еще Англии следовало бы задуматься о введении более развернутой государственной информационно-консультационной поддержки учащихся младшей и средней школы. Для того чтобы поступить в престижные университеты, школьники, их родители и учителя довольно рано должны определиться с тем, какие предметы они будут углубленно изучать в старшей школе, и именно этот выбор определяет их дальнейшую образовательную траекторию. Кроме того, для того, чтобы попасть в престижные университеты, школьникам необходимо в возрасте 16 и 18 лет хорошо сдать национальные экзамены.

Английские университеты контекстуализируют правила приема, но они могли бы делать больше. Скромные успехи самых престижных британских университетов в повышении классового и расового/этнического многообразия отчасти связаны с тем, что они делают упор на зачисление самых подготовленных абитуриентов, а «подготовленность» они понимают в контексте господствующих культурных категорий. Соответственно, английские университеты могут вы-

играть, если пересмотрят принятые сейчас критерии отбора абитуриентов. Существуют ли другие способы оценить потенциальную отдачу от высшего образования, которые бы позволили открыть новые возможности для студентов, представляющих меньшинства? Этот вопрос активно обсуждался в США в контексте политики равных возможностей, и ведущие университеты разработали широкий спектр альтернативных способов оценки абитуриентов.

И наконец, поскольку для поощрения вузов за качество обучения в Англии используется Рамочная программа по улучшению качества преподавания (TEF), необходимо тщательно отслеживать все предполагаемые и непреднамеренные результаты этой программы. Для повышения эффективности такого мониторинга можно было бы принять во внимание результаты исследований, посвященных проблемам и отрицательным побочным эффектам применяемой в США системы финансирования по результатам.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.92.10210>

Анархия и эксплуатация в научной коммуникации

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Эта статья также публикуется в Higher Education in Russia and Beyond.

Технологии, корыстолюбие, отсутствие четких норм и правил, гиперсоревновательность, иногда коррупция – все это привело к неразберихе и анархии в мире научной коммуникации. Еще не так давно научные публикации были преимущественно прерогативой университетских издательств и некоммерческих научных обществ и большинство из них контролировалось академическим сообществом. Научные конференции проходили при финансовой поддержке университетов либо профессиональных организаций, куда входили ученые и исследователи. Почти все они проводились на некоммерческой основе и под руководством небольших групп уважаемых ученых и ведущих исследовательских университетов, преимущественно североамериканских и западноевропейских. Все проходило достаточно «по-джентельменски» и контролировалось научной элитой, состоявшей в основном из мужчин.

Затем на академический мир нагрянуло сразу несколько волн цунами. Самой важной из них, пожалуй, стала массовизация высшего образования, выразившаяся в гигантском росте числа студентов и вузов по всему миру. Сейчас, когда в мире насчитывается более 200 млн студентов и более 22 000 университетов, высшее образование — это огромный сектор. И хотя университетов, которые активно занимаются научными исследованиями или стремятся получить статус исследовательских, относительно мало, фактически их количество увеличивается, потому что вузы увлечены рейтингами (измеряющими в первую очередь научную продуктивность) и потому что им свойственно нормальное желание войти в круг академической элиты. Правительства, аккредитационные агентства и агентства по обеспечению качества высшего образования также делают акцент на научной работе и публикациях — отчасти потому, что это одни из немногих показателей, которые можно точно измерить. В то же время глобальная экономика знания подталкивает лучшие университеты к международному сотрудничеству и к конкуренции с вузами, расположенными в других странах.

В результате роста конкуренции и давления на вузы и исследователей, которые вынуждены жить по принципу «публикуй или погибнешь», сложившаяся система коммуникации научных знаний тоже оказалась под колоссальным давлением и в конечном итоге не смогла справиться с новыми потребностями. В то же время вызов существовавшей системе бросил интернет: журналам пришлось подстраиваться под новые способы публикации научных статей, оценки рукописей и др. То, что раньше было своего рода кустарным производством под руководством ученых, которые мало что знали о коммуникации, неожиданно стало огромной индустрией. Сейчас издается более 150 000 научных журналов, из них 64 000 заявляют о себе как о рецензируемых.

Еще не так давно научные публикации были преимущественно прерогативой университетских издательств и некоммерческих научных обществ и большинство из них контролировалось академическим сообществом.

Последствия

Во-первых, увидев возможность хорошо заработать, на рынок вышли крупнейшие издатели и медиакомпании — транснациональные корпорации типа «Шпрингер» и «Эльзевир», каждая из которых издает более тысячи журналов по разным направлениям. Стоимость подписки достигла астрономических сумм: подписка на некоторые журналы стоит 20 000 долларов США и более. Например, подписка на выпускаемый в «Эльзевир» журнал Brain Research («Исследования мозга») стоит 24 000 долларов США в год. В большинстве случаев они выкупили уже существовавшие журналы у других издательств или научных обществ. Они также основали новые журналы по многим междисциплинарным направлениям. В итоге в портфолио транснациональных издательских корпораций оказались сотни журналов, которые они стали «упаковывать» в наборы для продажи библиотекам, а библиотекам, в свою очередь, пришлось платить огромные деньги за доступ ко всем журналам, потому что они вынуждены покупать подписку на весь набор. В некоторых областях были введены или повышены взимаемые с авторов сборы. Издательство научных журналов стало высокоприбыльным бизнесом. Естественно, в условиях такой системы доступ к новейшей научной информации имеют лишь те, кто может заплатить.

Спустя некоторое время реакция библиотек и многих ученых по поводу высоких цен на журналы вылилась в зарождение движения за свободный доступ: были созданы новые журналы, основная идея которых состоит в снижении стоимости доступа к знаниям. Издательские корпорации ответили введением некоего подобия свободного доступа. Это получилось главным образом за счет того, что они стали взимать с авторов деньги за то, чтобы предоставлять читателям более дешевый доступ к их опубликованным статьям. На 2017 год конфликт между научными библиотеками и транснациональными издательствами касательно высокой стоимости журналов далек от завершения.

Многие научные журналы издаются университетами. Некоторые престижные университетские издательства, например издательство Чикагского университета, Университета Джонса Хопкинса, Оксфордского университета и др., всегда выпускали высококачественные научные журналы и продолжают это делать сейчас. В целом им удалось сохранить адекватные цены и успешно адаптироваться к новым технологиям. Другая проблема заключается в том, что многие университеты по всему миру выпускают небольшие журналы местного масштаба, которые не могут похвастаться ни большим тиражом, ни престижностью. Так, большинство китайских исследовательских университетов издают журналы по нескольким научным направлениям, которые имеют очень низкий импакт-фактор и в которых практически не публикуются исследователи из других вузов. Найти

оправдание таким изданиям трудно, и, скорее всего, им придется еще тяжелее из-за распространения низкокачественных «международных» журналов.

В то же время резкое увеличение количества журналов и числа статей, которые получают их редколлегии, создало беспрецедентное напряжение в традиционной системе рецензирования. Рост числа подаваемых статей связан с расширением академической профессии, распространением принципа «публикуй или погибнешь» и стремительным прогрессом научных инноваций и знаний в целом. Но найти квалифицированных рецензентов и талантливых редакторов становится все сложнее. Работа, которую они выполняют, очень важна, но обычно отнимает очень много времени, не приносит почти никакого вознаграждения и вообще носит анонимный характер, то есть по сути является чистым вкладом в науку.

Другая пугающая, но уже получившая широкое распространение тенденция в сфере научной коммуникации — развитие псевдонауки. 29 декабря 2016 года газета The New York Times выпустила длинную статью под заголовком «Псевдонаука, которая очень похожа на настоящую». В этой статье обсуждается разрастание псевдонаучных журналов и конференций. Международные «научные» конференции, организуемые какими-нибудь странными компаниями из Индии или других стран, взимают с участников высокую плату за посещение мероприятий, которые проводятся в отелях по всему миру, и одобряют любые доклады вне зависимости от их качества. Ученые, которые отчаянно хотят добавить в свое резюме строчку о том, что их доклад был принят на международную конференцию, от безысходности соглашаются и платят за участие в этих бессмысленных встречах.

Получили распространение и недобросовестные журналы. Никто не знает, сколько их всего, но их явно сотни, если не тысячи. Джеффри Билл, сотрудник одной американской университетской библиотеки, на протяжении многих лет отслеживал такие недобросовестные издания, количество которых выросло с 18 в 2011 году до не менее 923 издательств, многие из которых выпускают множество различных «журналов». В конце 2016 года Билл объявил о том, что прекращает обновлять свой ценный список и удалил его из интернета. И хотя никакого объяснения своим действиям он не дал, очевидно, что ему грозили судебными разбирательствами. Псевдожурналы зачастую издаются где-нибудь в Пакистане или Нигерии под руководством невидимых издателей и редакторов. Они нередко заявляют о себе как о рецензируемых журналах и включают в список редколлегии имена известных мировых ученых — людей, которые в действительности редко соглашаются на подобное и которым с трудом удастся добиться того, чтобы эти журналы не упоминали их имена. Недобросовестные журналы публикуют почти все полученные статьи, получив от автора нередко существенный взнос.

Что делать?

Без сомнения, в мире научной коммуникации двадцать первого века наступила анархия. Массовое написание статей, большинство из которых практически не обладает научной ценностью; постоянное давление на ученых, чтобы они публиковались любой ценой, не считаясь с этикой; алчность крупных транснациональных издательств и разрастание шайки недобросовестных издателей — все это привело к нынешней неразберихе. Встали сложные проблемы: как управлять технологиями? как приспособиться к росту научной продуктивности? как усовершенствовать процесс рецензирования? как разрушить монополию транснациональных корпораций? и, наконец, как привить собственно академическому сообществу этику и понимание того, что такое реалистичные ожидания, а что нет? Последствия описанных явлений для журналов, которые издаются не на английском языке и за пределами наиболее активных в отношении научных публикаций стран, также пока неясны. Скорее всего, эти тенденции подорвут их позиции. В общем, вопросов в избытке, а ответов практически нет.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.92.9786>

Глобализация среди ректоров: борьба за лучших лидеров

Ричард А. Скиннер

Ричард А. Скиннер — старший консультант кадрового агентства Harris Search Associates, бывший ректор Университета Роял-Пуудс (Канада) и Клейтонского государственного университета (США). E-mail: rick@harrisandassociates.com.

Высшее образование не может сопротивляться глобализации. Редкий исследовательский университет сегодня не стимулирует и не поддерживает студенческую и академическую мобильность, и, хотя ректоров, которые бы родились или учились за рубежом, пока не очень много, их количество в неамериканских вузах неуклонно растет.

Два примера

Американские университеты одними из первых начали извлекать пользу из ученых, исследователей и мыслителей иностранного происхождения, которые переезжали в США в конце 1930-х годов, и в особенности во время и после окончания Второй мировой войны.